

Прозвенел школьный звонок. Учительница литературы, цокая каблуками, вошла в класс, положила книгу на кафедру и принялась выборочно проверять вчерашнее домашнее задание.

Класс, в котором учился Бо Цзяцзэ, считался профильным, для одаренных детей. Сюда попадали лишь те, кто занимал верхние строчки в рейтингах, и даже замыкающие список ученики обладали завидной способностью к самообучению — их не нужно было подгонять.

Учительница знала особенности этого класса: несколько опрошенных учеников без запинки процитировали текст, а на вопросы о смысле отдельных фраз дали исчерпывающие ответы.

Она кивнула, разрешила им сесть и повернулась к новенькой:

— Ся... Ся Жаньжань, верно? Встань, расскажи отрывок.

Ся Жаньжань поднялась и уверенно прочла заданный фрагмент. В своей прошлой школе она всегда была в числе лучших, иначе бы ее не перевели в такой сильный класс.

Учительница задала пару уточняющих вопросов, осталась довольна ответами и, позволив девочке сесть, открыла учебник, чтобы приступить к новой теме.

Утренние слезы Яо На видели многие, и к перемене новость разлетелась по классу. В итоге отношение к Ся Жаньжань, которое было начало налаживаться, вновь испортилось.

Открытой вражды, как в ее старой школе, не было — никто не кричал и не ругался. Просто вокруг нее образовался вакуум холодного игнорирования: стоило ей подойти, как болтавшие одноклассники либо понижали голос, либо вовсе замолкали, пока она не пройдет мимо.

Некоторые, впрочем, из уважения к Линь Чэню все же отвечали на ее вопросы, не опускаясь до грубого «не знаю», как делали остальные.

Но Ся Жаньжань это не особо волновало. Она привыкла, что девочки ее недолюбливают. Возможно, такова ее судьба: люди, которые чем-то отличаются от других, чаще всего вызывают зависть и сплетни.

Она повернулась и положила одолженную ручку в пенал соседа сзади, слегка улыбнувшись:

— Спасибо.

Очкарик-сосед заметно занервничал:

— Д-да, не за что.

Бо Цзяцзэ наблюдал за этой сценой. Романтическая линия между главными героями свернула

куда-то совсем не туда, и только он, второстепенный персонаж, продолжал прилежно следовать сценарию.

А если пойдешь не по плану — ударит током.

Жизнь — боль, да и судьба не сахар. Он развернул конфету и положил в рот. Сладость еще не успела растаять, как его плечо кто-то тронул, а через секунду перед ним возникла ладонь.

— Дай одну.

Бо Цзяцзэ достал конфету и протянул ему. Ладонь исчезла, но тут же появилась снова, и на ней лежала та самая конфета:

— Хочу такую же, как у тебя во рту.

— Ну ты даешь, — Бо Цзяцзэ забрал конфету обратно и положил ему виноградную: — Держи.

— Дядя! Я тоже хочу! — Лу Хайтан помахала рукой. Бо Цзяцзэ вздохнул и протянул ей последнюю: — Это последняя.

Лу Хайтан развернула фантик и кивнула:

— Поняла.

Линь Чэнь мельком глянул на фантик в ее руках — именно эту конфету он забрал у Бо Цзяцзэ, а потом вернул.

Он невольно начал сравнивать: если они с Бо Цзяцзэ едят конфеты одного вкуса, значит, их связь крепче, а Лу Хайтан тут вообще не при делах.

Линь Чэнь зачислил это чувство в разряд братских — тех самых, что рождаются после драки, перерастая в искреннее взаимное уважение.

Его ничуть не смущало, что Бо Цзяцзэ проявлял к нему симпатию, а узнав, что у того нет на него никаких планов, Линь Чэнь и вовсе перестал стесняться.

Он прямо спросил:

— Слушай, я сегодня вечером к тебе приеду, переночую?

В другое время Бо Цзяцзэ, возможно, и согласился бы, но сейчас он работал над сюжетом романа, и вдохновение было ключом. Если не дописать сегодня, идеи могли испариться.

Игры подождут, но если привести Линь Чэня домой, тот может увидеть рукопись. А там черным по белому, с деталями, было расписано, как герой избавляется от родителей Линь Чэня. Любой догадается, что это списано с его отца.

Он нахмурился, пытаясь придумать отговорку:

— Не...

Только он открыл рот, как в голове раздался треск электрических разрядов. Он мысленно взмолился Системе:

— Не надо, прошу...

Система отозвалась уныло:

— Я бы и рад, но ведь оригинал был бы очень рад этому визиту...

Радость — это эмоция, которая обычно отражается в глазах или на губах, но на лице Бо Цзяцзэ сейчас не было и следа подобных чувств.

— Нельзя? — спросил Линь Чэнь.

Треск разрядов стал отчетливее. Бо Цзяцзэ, нахмурившись, резко сменил тон:

— Нет... просто в последнее время похолодало, я, кажется, простудился, боюсь тебя заразить.

— Ерунда, у меня иммунитет крепкий, — Линь Чэнь покрутил во рту конфету.

Лу Хайтан, прислушиваясь к разговору, переводила взгляд с одного на другого. Как только Линь Чэнь замолчал, она вытянула шею и подалась к Бо Цзяцзэ, говоря достаточно громко, чтобы Линь Чэнь услышал:

— Дядя, я тоже хочу сегодня у тебя переночевать.

В последнее время она увлеклась играми и часто просиживала до рассвета, периодически срываясь на крик и забывая о своем имидже леди.

Успеваемость не пострадала, но состояние духа оставляло желать лучшего: по утрам она не могла встать, а мать, слыша по ночам ее вопли, пребывала в ярости, смешанной с крошечной долей беспокойства.

Они вели партизанскую войну уже вторую неделю: по ночам Лу Хайтан притворялась спящей, а когда мать уходила, снова превращалась в грозного игрока.

Бо Цзяцзэ: — ...Мало мне одного, так теперь еще и вторая.

Линь Чэнь посмотрел на Лу Хайтан, прижав язык к конфете. Раньше он этого не замечал, но сейчас она казалась ему невыносимо раздражающей. Сколько лет уже, а все дядя да дядя?

После уроков Бо Цзяцзэ повез их домой. Когда они садились в машину, Линь Чэнь отпихнул Бо Цзяцзэ, который хотел сесть на переднее сиденье, и сам занял место рядом с водителем.

Опершись на дверцу, он бросил взгляд на недовольную Лу Хайтан и кивнул на пассажирское кресло:

— Прошу.

Лу Хайтан окинула его подозрительным взглядом, решив, что он сменил гнев на милость, и фыркнула:

— Надо же, какой вежливый.

Линь Чэнь лишь усмехнулся в ответ, подождал, пока Бо Цзяцзэ устроится в салоне, и только потом сел сам.

Дядя Чэнь плавно тронулся с места. После ужина Линь Чэнь, как обычно, направился за Бо Цзяцзэ наверх, и Лу Хайтан поплелась следом.

Линь Чэнь обернулся:

— Ты куда увязалась?

Лу Хайтан отлично помнила, как он смотрел на ее дядю раньше, и теперь, когда он осмелился задавать ей вопросы, она не стала сдерживаться:

— Если ты можешь идти, почему я не могу?

Это ее дядя, она в его спальне с детства бывала десятки раз. Хозяин слова не сказал, а этот, который зашел сюда всего раз, уже пытается всех выставить?

Линь Чэнь усмехнулся:

— Мы идем по делу. Если тебе неловко стоять в сторонке, можешь не ходить.

Линь Чэнь знал, что Лу Хайтан в курсе их формальных отношений, поэтому намеренно говорил двусмысленно, надеясь, что она сама отступит.

— Ты! — Лу Хайтан покраснела от ярости, но внизу был дядя Чэнь, и она не могла позволить себе лишнего. Она лишь выдавила:

— Бесстыдник!

Дядя Чэнь, наблюдая за их перепалкой, только добродушно усмехнулся и ушел.

— Хватит, — прервал их Бо Цзяцзэ. — Из-за игры столько шума.

Линь Чэнь недовольно поджал губы, чувствуя, что Лу Хайтан здесь явно лишняя.

Но ему пришлось молча наблюдать, как она проходит мимо него и Бо Цзяцзэ, уверенно направляясь в спальню. На полпути она обернулась и позвала:

— Чего встали на лестнице? Заходите!

Будто это не спальня Бо Цзяцзэ, а ее собственная комната.

Линь Чэнь подошел к Бо Цзяцзэ:

— Мы же взрослые люди. Даже если вы родственники, приличия стоит соблюдать. Посмотри, как она хозяйничает в твоей спальне, на что это похоже?

Бо Цзяцзэ взглянул на него и двинулся следом:

— У меня в комнате есть гостиная зона, к чему такая строгость?

Линь Чэнь открыл дверь:

— Я о тебе забочусь.

О ком именно он заботился — оставалось загадкой.

Когда Линь Чэнь и Бо Цзяцзэ вошли, Лу Хайтан уже сидела на диване с включенной игрой и радушно их встретила:

— Садитесь, садитесь! Как раз втроем сыграем.

Бо Цзяцзэ сел на свое место и открыл игру:

— Сразу договоримся: как время выйдет, все идут спать по комнатам. Никаких ночных посиделок.

В этом мире он часто размышлял о причинах своей смерти в прошлой жизни. Он жил в хаосе: писал романы, вдохновение приходило по ночам, днем он не высыпался, а ночью не спал.

Вкупе с проблемами с сердцем это и привело к остановке.

Если не считать того раза, когда он привел Линь Чэня, и пары дней, когда они играли до утра, он всегда ложился ровно в десять тридцать.

Лу Хайтан оставалось только губы надуть:

— Спите, если хотите.

Линь Чэнь сел рядом с Бо Цзяцзэ, вошел в игру, и его тут же затянуло в комнату Лу Хайтан:

— Все в сборе? Тогда начинаю.

Бо Цзяцзэ: — Запускай.

Троица быстро нашла союзников. Бо Цзяцзэ выбрал персонажа для центральной линии, Лу Хайтан заблокировала одного из саппортов и выбрала лесника:

— Сейчас я покажу мастер-класс!

Линь Чэнь и так был не в духе из-за ее присутствия, а тут еще и роли совпали. Он усмехнулся, показал свою статистику и выбрал лесника тоже:

— Иди играй на другой линии.

Посмотрев на его показатели, Лу Хайтан скрипнула зубами, но ради победы сменила героя.

Когда дошла очередь до нее, маги, лесники и саппорты были разобраны. Стрелков она не любила, а те, что умела, были заблокированы. Пришлось взять героя для линии противостояния.

— Сейчас я покажу вам, как надо бить!

Бо Цзяцзэ: — Играй аккуратнее.

Его серьезный тон никак не вязался с тем, как он сам врывался под башни, круша врагов направо и налево.

— Поняла, — отозвалась Лу Хайтан.

Линь Чэнь усмехнулся, надел на своего персонажа крутой скин и спросил:

— Навыки-то не подкачают?

Лу Хайтан ответила уверенно:

— Сорок ударов молотом, восемьдесят — каждый точно в цель!

<http://bllate.org/book/18627/1793471>